

АМОРАЛЬНЫЕ

АЛАЙНА
САЛАХ

Алайна Салах

Аморальные

Серия «Для взрослых», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74507976*

Аннотация

– Костя, а чего это вы детей всё не заводите? Вам обоим уже по сколько лет?!

Я застываю. Мать же помирала только что. Причём тут опять дети?

К Эмме оборачиваюсь и вижу, что у неё аж глаза кровью налились. А если уж она покерфейс не держит, значит, маманя давно ей мозги жрёт.

– Ты пирогов пережрала, что ли? – снова мать в фокус беру. – Чего ты опять шарманку старую завела?

– Я просто не пойму, о чём вы думаете, – продолжает кипишить. – Я-то надеялась, что хоть Эмма тебе мозги на место поставит, а она и сама рожать не торопится. А ведь уже тридцать почти – не школьница. А тебе так вообще сорок скоро. Сколько можно уже по курортам таскаться как маленькие!

– Костя, я тебя в машине подожду, – нервно из-за спины доносится.

Я еле кивнуть могу, настолько меня маманя взбесила. Прямо суперспособность у неё – вздрючить меня вместо здрасьте.

– Ты чего лезешь к ней? – цежу сквозь зубы. – Я тебе сколько раз говорил: хочешь детей нянчить – иди сама и роди, а нас не трогай.

Роман-бонус к "Аморальному". Внимание: в книге много мата!!

Содержание

1	5
2	10
3	14
4	18
5	22
6	27
7	32
8	37
9	44
10	49
11	54
12	58
13	64
14	68
15	71
16	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Алайна Салах

Аморальные

1

– В выходные какие планы? – Эрик из-за ноута на меня пялится. – За город к нам приехать не хотите?

– Опять, что ли? – кривлюсь. – Ты как газовый гриль купил, ебать каким гостеприимным стал.

– Ну а что? Хорошо же в прошлый раз посидели.

Я хуй знает, что хорошего Эрик нашёл в этих посиделках, но сам я хотел поскорее домой съебать и в койку залечь. Этот, блядь, как на фитнес пошёл, бухать вообще перестал: вина бокал хлебнул и дальше только минералку сосал. Эмма тоже херовый собутыльник: ей дай только пробку понюхать – и уже в ауте. В итоге она с Эриковской женой полвечера пропиздела, пока я, блядь, про театры и про ремонт в их новой хате слушал.

Овцепас этот ебливый овце своей третью по счёту овечку заделал, и она ему тут же на уши присела, что надо срочно расширяться.

– Приезжайте, чего вы? – блеет, чуя, видать, что не настроен. – Я лосося приготовлю. Арина теперь на рыбу подседа – каждый день просит.

– Посмотрим, – встаю, чтобы поскорее слиться, пока он опять про паркет затирать не начал. – Всё, мне за Эммой катить надо.

– А она где сейчас?

– У мамани моей. У неё там с давлением что-то, попросила приехать.

Выхожу, в тачку сажусь и, пока не забыл, таблеткой от ку-реки закидываюсь. Один месяц подымил – и всё, сука, не могу бросить. И сам уже чуял, что дышалка сдавать стала, а тут ещё и Эмма стала кривиться, когда мордой к ней лезу. Спрашиваю её: воняет, что ли? Ага, говорит, бычками тушё-ными несёт. Короче, решил я, что пора заканчивать.

Мобильник достаю и ей набираю.

– Ну чего вы там? Чаи гоняете?

– Вроде того, – чеканит. – Подскажи, ты скоро приедешь?

– Выезжаю с завода вот. Но я ещё пожрать хотел в Осте-рию заехать.

– Может быть, ты после поешь? У меня ещё дела кое-ка-кие есть.

По тону её слышно, что не в духе. Жрать пиздец как охота, но, видать, потерпеть придётся. А то она уже часа три с половиной там сидит.

Через сорок пригоняю к маманиному дому. Эмма дверь открывает с каменным лицом.

– Ты чего? – спрашиваю.

– Ничего, – буркает и на пятках разворачивается. – Пойду

сумку заберу.

Я следом за ней топаю, чтобы с маманей по-быстрому по-здороваться.

Она на кухне как обычно трётся. На столе таз с пирогами, который домработница сварганила, варенье пять видов и чашки с чаем. Сутками, блядь, хомячит и не жиреет. Я в неё, походу, тощий как афганская борзая.

Маманя как меня завила, глаза вытаращила и давай голосить.

– Костя, я чего это вы детей всё не заводите? Вам обоим уже по сколько лет?!

Я застываю вахуе. Она же подыхала только что. Причём тут опять пиздюки?

К Эмме оборачиваюсь и вижу, что у неё аж глаза кровью налились. А если уж она покерфейс не держит, значит, маманя давно ей мозги ебёт.

– Ты, блядь, пирогов пережрала, что ли? – снова мать в фокус беру. – Чего ты опять шарманку старую завела?

– Я просто не пойму, о чём вы думаете, – продолжает кипишить. – Я-то надеялась, что хоть Эмма тебе мозги на место поставит, а она и сама рожать не торопится. А ведь уже тридцать почти – не школьница. А тебе так вообще сорок скоро. Сколько можно уже по курортам таскаться как маленькие!

– Костя, я тебя в машине подожду, – нервно из-за спины доносится.

Я даже кивнуть не могу, настолько меня маманя взбеси-

ла. Прямо суперспособность у неё – взъебать меня вместо здрасьте.

– Ты на хера лезешь к ней? – цежу сквозь зубы. – Я тебе сколько раз говорил: хочешь пиздюков нянчить – иди сама и роди, а к нам не приебывайся.

Маманя, как обычно, говна на вентилятор вбросит и сидит с понтом не при делах. Глаза вытаращила обиженно и ладони к халату прижала, как будто её, блядь, оскорбили.

– За что ты со мной так, а? Знаешь же, что не от кого мне, да и поздно уже.

– Так было же время ещё родить. Но ты, помнится, постоянно ныла, что геморроя со мной слишком до хера и сил нет.

– А внуков я хочу нянчить! – всхлипывает. – Чтобы у меня по полу карапузы ползали: мальчик и девочка.

Как меня бесит, когда она белугу врубать начинает, кто бы знал. Ни один визит к ней без её соплей не обходится. Сначала доведёт, а потом ноет, что я, тварь неблагодарная, её обижаю.

– Да эти бедные пиздюки часами обосранными ходить будут, потому что тебе лень лишний раз жопу поднять. Ты, блядь, за собой смотреть толком не можешь, какой тебе внуки.

– Я что, такая беспомощная по-твоему? У всех же есть внуки, и ничего, как-то растят.

– Тебе поэтому внуков надо? Чтобы как у всех было? Ни у одной твоей подружайки домработницы нет. Ты чего-то не

разбежалась сама готовить и убираться.

Она салфеткой глаза трёт, потом лицо своё зареванное поднимает и пялится с претензией.

– Не понимаю, за что ты так не любишь меня, Костя. Мать тебе всегда только добра желает. Когда один останешься, кто рядом с тобой будет? Только мать. Сожительницы все твои сбегут, как Дианка сбежала.

– Да бля-я-я... – я с психу табуретку хватаю и в пол впечатываю. – Батя всю жизнь говорил, что ты дура, а я не верил.

Чтобы ещё и таз с пирогами на голову ей не надеть, разворачиваюсь и в прихожую съёбываю. Вот, сука, каждый раз себе говорю, что не приеду сюда больше, и всё равно как долбоеб по каждому её нытью притаскиваюсь. Всё, на хер. Больше ни ногой сюда. В следующий раз только на похороны её прикачу, отвечаю.

– Ну и где твой отец тогда, раз такой умный? – слышу её завывание.

Где-где. Всё, на пожизненном сидит.

Пока до тачки иду, на автомате карманы щупаю в поисках сигарет. С маманей моей хоть пачку антитабачки сожри и с ног до головы пластырями обклейся – один хер сорвешься.

И главное, что втирать ей что-то бесполезно. Хоть притопить её пригрозил, она в следующий раз один хер то же самое сделает. С ней, блядь, как с геморроем: сколько раз его обратно в очко не запикивай – всё равно вывалится. У меня этой хуйни нет, тьфу-тьфу-тьфу. Зато у Эрика вылез.

Долбоеб этот пару месяцев в зал походил и таким качком себя возомнил, что с каким-то конем двадцатилетним полез на спор железо тягать. Попыжился пять минут со штангой и надорвал жопу, ясен хер. Теперь вот к жополазу раз в неделю бегают, свечи в очко пихать и лазером светить. На совещаниях сидит на специальной подушке с дыркой, как депутат блатной. Все менеджеры над ним ржут.

В водительское седло плюхаюсь и жмурюсь, чтобы в себя чуток прийти после маманиной атаки.

– Бля, надо было Илюху за тобой пригнать лучше. Такое настроение пиздатое было, а маманя как обычно всё засрала.

Секунды проходят, а Эмма молчит как рыба об лёд. Я тогда глаза раздупляю, чтобы на неё глянуть, и вижу – она в стекло таращится.

– Ты чего? – за коленку её мацаю.

– Ты сказал, что через полтора часа за мной заедешь, – цедит, не оборачиваясь.

– Ну бля, я пока до завода докатил, пока туда-сюда.

– Ты сказал, что заедешь через полтора часа, – повторяет как робот. – А я просидела там три с половиной.

– Ну так я не думал, что срочно. Ты же с маманей нормально ладишь. Вечно за что-то трёте: то за сад, то за рецепты.

– Костя! – она поворачивается резко и глазами меня как свёрлами хуячит. – То, что умею поддержать разговор с твоей мамой, не значит, что я им наслаждаюсь. Где я, а где герань? Первые два часа слушала жалобы на домработницу, которая плохо вытирает пыль и ворует сахар, а потом ещё полтора – про то, что рожать нужно до двадцати пяти, иначе ребёнок родится ленивым и ни на что не способным. И что старородящим, к которым я, видимо, теперь отношусь, нельзя колоть обезболивающих, потому что позднему ребёнку легко повредить мозг. Да это у меня чуть мозг не повредился!!!

Мне аж ржать охота. Бля, маманя реально отлетевшая. Где она вообще вычитала эту хуйню.

– Да просто надо было её на хер послать и всё, – успокаиваю.

Только Эмма не успокаивается ни хера, а как будто ещё сильнее заводится. Лицо в пятнах и сиськи под футболкой ходуном ходят. Аж привставать начинает.

– Да ну? Просто послать твою маму, которую ты отправил меня спасать от сердечного приступа?

– Ну да, хуле. Пусть тогда ведёт себя нормально.

Она воздух в себя медленно тянет, и я жопой чую, что через секунду разнесёт её.

– Как оказывается, всё просто было, Костя! А сам-то ты сбежал через три минуты.

Я морщусь. Если сейчас посремся, после может и не дать. Было однажды такое. Залупилась – и похуй.

– Ну кис...

– И, конечно, лучше было бы водителя за мной отправить, чтобы себе настроение не испортить! – продолжает накидывать. – Напомню, это были три минуты против трёх с половиной часов, Костя! Так почему ты себя вдруг назначил главным пострадавшим?

– Ну чего, блядь, опять я виноват?! – рявкаю. – Ну вот такая она, маманя! Хуле мне с ней делать? В дом престарелых сослать?

– Не надо никого никуда отсылать, – чеканит и на тон свой учительский переходит. – Но если ты пообещал, что приедешь через полтора часа – будь добр это делать. А если не получается – хотя бы предупреди, чтобы я подготовилась.

– Всё, кис, не быкуй. – за руку её ловлю. – Я тебя услышал.

– И на будущее имей в виду, что моё умение поддерживать диалог не означает, что этот диалог мне нравится, – буркает, но ладонь в ответ жамкает.

– А я реально думал, что ты кайфуешь про огурцы и закрутки с ней тереть.

– Нет. И про распродажи брендов и зубных фей мне тоже слушать не нравится. Это я про разговоры с Ариной, если что.

Вот это заявы. А я-то даже не сомневался, что они с Эриковской женой от души снюхались. Ещё охуевал, что так легко у умницы такой вышло с этой овцой общий язык найти.

Походу, будет в выходные Эрик свой геморрой и гриль в однеху выгуливать.

К дому припарываем через два часа только. Я голодный, блядь, и злой как сука. Сорок минут трёхкилометровым караваном стояли и ждали, пока чинуша охувевший с мигалками мимо прокатит к себе на дачу.

И главное, хотел ведь по пути в рестик заехать, а потом, долбоеб, передумал и решил шашлыков домой заказать.

– Хоть, сука, вертолет покупай... – я пакет на стол швыряю и на стул падаю. – Вроде с министрами в одном поселке живу, а один хер в пробку встречаю как обычная челядь. Накроешь на стол, а? А то что-то пиздец меня дорога выебла.

Пока Эмма по кухне шуршит с тарелками, я кусок баранины из пакета вытаскиваю и в рот пихаю. Бля-я-я, сочный такой. Знают армяне толк в мясе.

– Ну какой же ты челядной, Костя? – она тут же подъёбывает. – Вон у тебя какие манеры графские.

– Баба-нутрициолог сказала, что у меня надпочечники голада не выдерживают, – хмыкаю. – Так что мне можно.

Она глаза закатывает. Вторую неделю надо мной угорает, что по врачам хожу.

Там как началось-то. Трахались как-то, я раздухарился лишка и раньше неё стрельнул. А Эмма – та ещё сучка похотливая: хер отползет и сделает вид, что и так ей нормально. Надо дотрахать её обязательно. Обычно пару минут ей

языком щель полирую и сразу опять колом стоит. А тут пять минут вожусь, десять – и хер там.

Короче, после этого зассал я, что потенции кирдык пришёл – тридцать шесть как никак, и по совету Эрика пошёл к бабе одной. Вроде кандидат наук и нутрициолог заодно.

Так она мне, блядь, такой список анализов накатала, что только крови поллитра у меня забрали. И ещё выхлопа разного банок шесть.

Как результаты пришли, расписала мне диагнозов на пять листов и хуеву тучу витаминов назначила. Пришёл, сука, член приподнять, а в итоге теперь и кишки, и печень лечу, и башку.

Эмма смотрит, как я горсть таблеток в себя закидываю, и давай опять ржать.

– Ты отошла, смотрю, от посиделок с маманей, – ворчу. Так-то, блядь, для её дырки неугомонной стараюсь.

– Кстати, она фотки твои детские показывала, – бровями стреляет. – У тебя такая милая попка.

– Жопа у меня и сейчас пиздатая. Сейчас шашлык прикончу и покажу.

Она зыркает на меня с укором.

– А тебе непременно всё надо к сексу свернуть.

– А ты, в смысле, хотела о детях поговорить? – ухмыляюсь, а сам напрягаюсь чуток. Потому что в первый раз она пиздюками восторгается.

– А что о них говорить? – плечами пожимает. – Про то,

что ты пока размножаться не готов, я и так в курсе.

– Да ты вроде и сама с икрой ходить не разбежалась? Или изменилось что-то?

– Ничего не изменилось. Мне в принципе всё равно, будут ли у меня когда-то собственные дети. А если вдруг приспичит, можно усыновить или удочерить кого-то.

Я аж выдыхаю от облегчения. Вот ещё почему мне с ней по кайфу: потому что не бредит тугосерами. Как съехались с ней, сама стала предохраняться.

А батей я как не хотел быть, так и не хочу. Вот этот весь ор по ночам, потом садики, школы, музыкалки – как подумаю, аж передёргивает. С работы домой припарываешь, хочешь в тишине винчика наебнуть и с визгами потрахаться, а хер там. Тебе сразу: поиграй, помой, расскажи, покажи... Не, в пизду.

И Эмме уж не говорю, потому что тема для неё злоебучая, но чужие пиздюки – это точно мимо меня. Если я своих не хочу, то левых уж точно не собираюсь нянькать. Бабки отчислять в фонды – пожалуйста. На том и хватит благотворительности с меня.

– И всё-таки, почему ты так детей боишься? – спрашивает и из-за чашки на меня смотрит.

– Да с хера это боюсь? Просто геморроя много. Да и не потяну я батей быть. Сама же говоришь, что знаешь меня как облупленного. Прикинь, пиздюк меня машинкой по башке ебанёт. Я же его с психу в стену смогу засандалить.

– Меня же не засандалил, даже когда я тебя опрокинула.

– Ну мне пиздец как хотелось. Ну ты и очком расплатилась по итогу... Когда, кстати, повторим?

Она чашку на стол ставит и средним пальцем глаз трёт. Мол, хер тебе.

– Э-э-э... – ржу. – Я на хера тогда здание под кафе арендовал и за ремонт башляю?

Она в ответку зубы скалит.

– Потому что ты любишь меня, нет?

Вот хер знает, как ей удаётся так вывернуть, что особо её не поддавишь. Где-то огрызнется по-сучьи, где-то поржёт, где-то кошака ласкового врубит.

Так и живём, блядь. Думаешь, что ты тут главный и всё решаешь, а оглянешься потом – хер там. Всё по её.

– А Борис мне всё говорил, что газовый гриль – ерунда, и таким, как на углях, вкус не будет, – Эрик распинается. – Ну вот попробуйте сейчас. Чувствуете, что вообще разницы нет? Потому что вкус даёт жир, который капает и коптит, а не дрова и не угли. Это у меня ещё простенький аппарат, а есть побольше и поинтереснее. Вот думаю заказать себе, раз уж летний сезон начался.

Я молча вина отхлёбываю и лосося в рот закидываю. Блядь, когда он шлюх трахал и бухал, таким душным не был. А сейчас без ржача на него не взглянешь: весь в белом, как будто мы, сука, на яхте тусить поехали, а не на даче вчетвером бухаем.

Жена его тоже платье бальное натянула, скатерть расстелила и до кучи салфетки с фельдиперсовыми держателями перед каждым плюхнула. Может, сериалов про английских лордов пересмотрели они со скуки, хер знает. Лично я в шортах и шлёпках припорол, Эмма так вообще в моей толстовке. Она, жучка, постоянно у меня вещи пиздит: то футболки, то рубашки. Я ей говорю: давай съездим, купим тебе шмотья нормального. А она: «Да нахуя, деньги тратить? У тебя гардеробная ломится». Экономная пиздец. Так и скажешь, что двадцать пять лепешек на раз-два спиздила.

– Эрик, подай мне сыр, пожалуйста, – Арина блеет. – А

то мне тянуться тяжело.

Этот сразу с места подрывается и тарелку ей протягивает. Хотя тарелка, блядь, прямо под носом у неё стояла. То ли руку ей в лом протянуть, то ли спецом его дрессирует. Мне вроде бы и похуй должно быть – не моя же баба, но бесит почему-то. Она и раньше на нём как на пони каталась, а с икрой так вообще прихуела. Мы здесь час всего, а Эрик по её командам уже раз десять куда-то слетал.

– Как у вас с рестораном дела продвигаются? – на Эмму вопросительно пялится.

– Это будет не ресторан, а кафе. Я говорила в прошлый раз, вроде бы. В начале недели закончили стены штукатурить. Сейчас будем мебель заказывать.

– А почему, кстати, не ресторан? Константин уж точно может себе позволить.

– Потому что я хочу кафе, – кажется, что она на лайтово отвечает, а я по тону чувую, что бесится. – Ресторан – это совершенно другие вложения, другая публика и атмосфера, которая мне не очень близка. Без опыта идти в такой грандиозный проект – неоправданный риск.

– Понятно... – Арина тянет. – Ну вот, а мы хотели с Эриком ходить ужинать к вам.

– Так вам вроде бы ничего не мешает.

Вот я, блядь, сам ей говорил, что лучше рестик нормальный открыть, чем кафе, где всякие долбоебы один кофе сосать по два часа будут и мобильники заряжать. Но Эмма как

обычно рогом упёрлась и стала затирать про сложности всякие и чересчур большие бабки, которые никогда не окупятся. Две недели на эту тему с ней срались. И вроде больше я с Эриковской овцой был согласен, но когда она вот эту хуйню про ужины ляпнула, сразу высечь ей захотелось. Можно подумать, блядь, что всю жизнь только в мишленовских ресторанах обреталась. Сама из хуева-кукуева родом, батя колхозник обычный. Пять лет нормально пожила за чужой счёт и уже в кафе ей не жрётся.

– Конечно, мы будем ходить, – Эрик встревает. – Там же разная кухня будет, да, Эмма?

– Будет большое меню с завтраками и несколько основных блюд. Так что приходить всё-таки лучше будет с утра.

– Ну и отлично. А то я из-за тренировок не всегда успеваю позавтракать.

– Ой, что-то у меня живот потянуло... – Арина пузо гладит. – Эрик, потрогай, а? Кажется, малыш толкается.

Я вино себе лью и скриплю зубами. Она, блядь, походу вообще не выдерживает, если он хоть две минуты спокойно сидит. Везде надо свои пузатые три копейки сунуть.

– У тебя сейчас какой срок? – Эмма кисло улыбается и тоже вина хлебает.

Это после случая у мамани я вкурил, что из вежливости она с темы бабские трёт. А раньше реально думал, что в кайф ей.

– Шесть месяцев. Вчера с Эриком ездили роддом смот-

реть. Там жена Домати рожала, и ещё любовница премьер-министра... Сами роды, конечно, золотыми выходят, но оно того стоит. Так что, Костя, имей в виду.

Глазеет на меня с намёком и подмигивает, блядь. Мозгами она и раньше не блистала, а на гормонах вообще в край одурела, если уж дружбана во мне увидела, с которым можно роды обсуждать.

Дальше только хуже становится, потому что детсад Эриковский припарывает с прогулки.

Две девки у него, школьницы. Обе ярые, что пиздец. Как он в этом бабском царстве один с яйцами выживает, я хуй знает. У него даже кошак домашний – баба. Если и третья девка будет, я реально заржу.

– Папа, шашлык мне положи, – старшая его на стул плюхается и в мобильник пялится.

Этот послушно давай шуршать. У меня аж, сука, нервный тик начинается. Ну ладно, эта с пузом выёбывается, а сикня эта какого хера расселась? Ей уже пятнадцать, вроде. Жратва под носом. Трубу отложи и сама себе в тарелку всё, что хочешь, набросай. У них, блядь, один в семье добытчик, на котором они хором ездят. И купил, и нажарил – а теперь ещё и положи ей, и прожуй.

Короче, говно во мне вскипает, и я через весь стол ей рываю:

– А чего, в частных школах теперь аля-карт в столовках?

Эта голову поднимает и зыркает на меня не в понятках. Эмма, чую, меня за колено мнёт, но похуй уже теперь, раз психанул.

– Вы про что?

– Про то, что лет через пять самой жить придётся, и вечно

вокруг тебя скакать все не будут.

Эрик, чую, напрягся вместе с тарелкой, жена его тоже на диване заерзала. Ну, блядь, кто-то же должен сикне этой охуевшей мозги вправить. Припорола – ни здрасьте, ни хера. Зато глаза размалёваны и вид царский, как будто уже до хуя добилась.

Потом эти недобитые в офис ко мне притаскиваются и возмущаются, что за бабки оказывается делать что-то надо. Реально думают, что таким охуенным, как они, с рождения всё на башку должно сыпаться.

Я так уже второй месяц замену Тамаре ищу. Эта жучка, оказывается, втихушку на сайте знакомств год сидела и какого-то француза престарелого себе наслюнявила. С алкашом своим развелась и вместе со всем выводком переезжает в какую-то французскую деревню. Счастливая, блядь, до усрачки, что мою рожу больше не увидит.

– Мариэлла, поздоровайся с гостями и телефон убери, если обедать села, – Эрик пытается строго батю врубать.

Эта гашня разукрашенная скривилась вся и «здрасьте» прошамкала. Я вина побольше отхлёбываю, чтобы ещё сверху ей не навалить. Ещё не хватало с малолетками закусываться. Но, бля-я, была бы она моей дочерью, на пиздюлях бы каждый день летала, пока нормально вести себя не научилась.

А то нарастят прилипал, которым сопли подтирать надо, и куда их? Только в эти ролики, где говорящие сиськи рас-

суждают про то, сколько миллионов должен мужик зарабатывать.

Этой, видать, не понравилось, что её строить стали. Тарелку сгребла и встала.

– Я у себя пойду поем.

Мне аж дышать легче становится, отвечаю. Хуй знает, чего этот прицеп Эриковский меня так триггерит. Вот опять слово это ебучее ко мне прилипло. Триггерит, триггер. Эмма вечно меня им подъёбывает. Взбешусь, когда она меня по жопе хлопнет, а она тут же: «А почему тебя это так триггерит?» Да меня, блядь, не триггерит ни хуя. Просто не люблю, когда меня за жопу трогают. Я же не педик.

Только одна из-за стола сваливает, вторая подсасывается и прямо напротив садится. Если старшая выёбистая, то мелкая их, Ариэль, ебать какая шебутная. Спокойно вообще не сидеть не может, да ещё пиздит без остановки. Имена у них, конечно, хитровыебанные. У младшей запомнил, потому что порошок так называется, а у старшей даже не пытаюсь.

– Дядя Костя, привет! – лыбится мне. – Как у тебя дела?

– Нормально, – буркаю, чтобы не духарилась особо.

– У меня тоже всё хорошо. А ты знаешь, что я отличница?

Блядь, я же говорю: ни пожрать теперь, ни выпить не даст спокойно. С детьми самое херовое то, что на хуй их не пошлешь. Нет, левых я бы послал, но тут вроде Эриковские, и мы в гостях.

– Круто. Поздравляю.

– А папа сказал, что если я буду отличница, то мы поедem кататься на слонах. Ты когда-нибудь катался на слонах?

Катался один раз, бухой в жопу. Меня три тайца кое-как сверху закинули, а потом спустить не могли. В итоге я так ебнулся, что потом блевал полночи. Давно, правда, было. Сейчас бы я уже хер на слона полез.

– А куда вы поедете кататься на слонах? – слышу голос Эммы и аж выдыхаю.

У неё с пиздюками детдомовскими опыта много. Вот пусть она с ней и говорит.

– Мы пока не решили, – мелкая важничает. – Либо во Вьетнам, либо в Таиланд. А ты теперь жена дяди Кости вместе Дианы?

Я чуть вином не давлюсь и на автомате на Эрика пялюсь. С хера это его мелкая мою личную жизнь за столом обсуждает?

– Нет, я не жена дяди Кости. Мы пока просто живём вместе.

– А почему не женитесь? Чтобы завести детей, надо жениться.

– Чтобы завести детей – жениться необязательно, – Эмма, чую, ржёт.

– Так мама сказала.

Тут я уже ржу в мыслях. Ой, блядь, чья бы пиздливая корова мычала. За Эрика-то она замуж выходила уже с икрой.

– Ты уж ему, пожалуйста, роди, – мелкая с претензией

продолжает. – А то Диана не смогла, и они расстались.

– Ариэль, ты что такое говоришь! – Арина шипит. – Сейчас тебе папа сок нальёт и марш в свою комнату.

Я зубами скриплю и вино залпом глотаю. Вот не зря я всё-таки эту овцу не люблю. Потому что вместо башки у неё matka. Стопудово она дочерям ту же байду впаривает: что бездетные никому на хуй не нужны. Дура она и есть дура. Когда мужик реально телку любит, то похуй ему до остального. И без детей возьмёт, и даже с вагоном чужих.

Как только с Эриком в баню сваливаем от его сучьего вывода, сразу повеселее становится. Я жопу на лавку кидаю и бутылку белого откупориваю. Как же заебись Арина, наглаживающую пузо, перед собой не видеть.

Он мне сразу второй бокал сует: мол, плесни давай.

– Ты свою дозу вроде вылакал, – подъёбываю.

– Тяжело постоянно здоровый образ жизни вести, – кривится жалобно и совиный жадно хлебает.

Я смотрю на него и прямо шкурой чую, как он заебался. Это при жене счастливого семьянина из себя корчил, а один на одного, видать, попустило. Ну и ясен хер: это кем надо быть, чтобы семь дней в неделю ебашить без перерыва. Сначала заводские дела решать, потом дома перед бабами разных возрастов на задних лапах прыгать.

В кресло напротив падает и второй бокал залпом хлопает.

– Чего, настопиздело поваром и официантом работать? – спрашиваю.

– Да пиздец, – вздыхает и рубашку через башку стягивает. – Что-то совсем сдаю.

– Так ты ещё заебись держишься, – ухмыляюсь. – Меня бы лет десять назад порвало.

– С детьми не бывает просто. Они же растут.

– И хуле что растут? Ты стареешь, а всем вокруг похуй.

Эрик рожу кривит сразу.

– Не говори про старость, а? И так всё делаю, чтобы её отсрочить.

– Вот ты реально из крайности в крайность кидаешься. Либо шлюх бухой через день ебешь, либо в терпилу домашнего превращаешься. Середину уже найди.

– Ходить налево дважды в месяц? – ржёт из-за бокала.

– Да ты, блядь, в первую очередь баб с горба своего скинь. У тебя уже копыта разъезжаются, а ты всё в пони бессмертного играешь.

– Тебе легко говорить: у тебя своих детей нет, – мямлит.

– А что, когда дети появляются, яйца отсыхают? Они же тебя ни в хуй не ставят.

– У нас не так всё. К тому же, Арина беременная. Приходится больше напрягаться.

– Ну с пузом она, а ты чего? Сразу мужиком перестал быть? Ты только бокал в руку берёшь, она на тебя как мамаша пялится, чтобы лишнего не пил. Старшая фыркает на тебя как на официанта. Ты реально для них пони дрессированный, который бабки должен заносить и их на горбу катать, пока не сдохнет.

Этот вздыхает протяжно.

– Костя, давай не будем сейчас, а? Я только расслабляться начал.

– Ладно, похуй... – Я вино отхлёбываю, хотя самого бомбит люто. – Сам башкой думай. А то, чую, скоро доведут те-

бя и опять в разнос пойдёшь.

– Не пойду, не переживай.

– Заебись, если не пойдёшь, – ворчу. – А то без Тамары и так хуево, а ещё командироваться надо через две недели.

На этом тёрки заканчиваем и топаем в парную. Там с меня семь потов сходит вместе с выпитым совиным, и потом Эрик ещё веником добавляет. Пыхтит и пиздит старательно – прямо видно, сколько говна в нём накопилось.

– Чего, полегче стало? – ржу, когда в предбанник вываливаемся. – Думал, до смерти запиздишь.

Он ещё один бокал быстро жахает и в халат заматывается.

– Арине только не говори, что я тут пил.

Я глаза закатываю. Да ебанный в рот. Нахуя вообще такая жизнь, когда ты за свои же бабки в выходной спокойно вина бахнуть не можешь?

– Поэтому они тебя раком нагибают, хуле. Потому что ты и сам нагнуться рад.

Выхожу на террасу первым. Эмма там с Эриковской женой и мелкой за столом сидит. Как меня видит, сразу взгляд свой коронный мне промеж бровей втыкает, чтобы понял, что недовольна.

– В баню пойдёшь? – подхожу к ней и за шкурку тереблю ласково.

– Нет, – отрезает. – Думаю, пора домой ехать.

– А чего ты? – хмурюсь. Так-то я рассчитывал её веником попарить и раком в предбаннике засадить.

– Устала. Хочу домой.

– Эмма, в общем, если надумаешь – можем вместе пойти, – Арина встревает. Видать, что-то они обсуждали до этого. – Эрик с детьми посидит, а мы устроим девичник.

– Пока ничего не могу обещать, – Эмма улыбку выдавливает и с дивана встаёт. – На следующей неделе буду занята ремонтом.

– Так у нас тоже ремонт! Одно другому не мешает.

Да этой-то ясен хер ничего не мешает, потому что всей ебатней беспонтовой Эрик занимается, а она только ему и дизайнеру по ушам ездит про то, что ей не нравится.

Короче, через пять минут сваливаем. Эмма в тачку садится и в одну точку пялится. Прямо как когда я у мамани её на три часа кинул.

– Опять я, что ли, проебался? – за коленку её трогаю. – Заебала она тебя?

– Я больше не хочу к ним ездить, – чеканит. – По крайней мере, в ближайшее время. Арина такая... Вообще не мой человек.

– А я тебе говорил, что она курица тупорылая.

– Мне, видимо, не стоит общаться с многодетными домохозяйками. Она искренне считает, что все должны стремиться жить как она: народить кучу детей, дважды в сезон закупаться дорогими шмотками и никогда не работать. Я уже рот устала прикрывать, чтобы прятать зевоту.

– Ну а хуле ты хотела? Каждому по способностям.

– А ещё я поняла, что в ближайшие лет десять точно не хочу детей. Ариэль столько говорит... – она морщится и трет виски. – Перебивает и опять говорит. Просто не затыкается... Я как будто в аду побывала.

Я ржу и тачку завожу, чтобы поскорее отсюда съехать. Всё-таки по кайфу с ней Эриковский выводок перетирать.

– Ладно, кис, погнали. Дома тебя ракушкой разложу и залижу все твои страдашки.

Просыпаюсь, потому что солнце прямо в рожу хуячит. На автомате рукой по кровати шарю, но рядом ни ляжки, ни сиськи. Эмма отлить, походу, сбежала.

– Эй! – хриплю и стояк поправляю. – Ты где там?

Ноль ответа. Глаза продираю и вижу, что её задница в стрингах из гардеробной торчит.

– Куда собралась-то? – громче спрашиваю.

Она сарафан через голову натягивает и ко мне высовывается.

– У меня через час с отделочниками встреча. Я же говорила вчера.

– Я помню. А на хера так рано-то?

– Потому что так назначили.

– И хуле мне теперь? Самому передёргивать? – я член из-за одеяла вытаскиваю и башкой трясусь. – Давай уж трахнемся по-быстрому.

– Давай вечером, – улыбается, но понятно становится, что хуй она подвинется. – Твоё «по-быстрому» может и на час растянуться.

Тут уже я заводиться начинаю, что бортует и на еблю её уговаривать приходится.

– И хуле случится страшного? Работяги уж как-нибудь подождут. В крайнем случае кофейка наебут.

– Илья уже подъехал. Предлагаешь и ему ждать?

– Да, блядь, тоже пусть ждёт! – рывкаю. – Я ему бабки за это плачу.

Она вид учительский на себя напустила и смотрит с претензией.

– Ты ведь много лет заводом занимаешься и как никто понимаешь, что такое ответственность. Вряд ли ты из-за секса переносил важные встречи.

– Вот на хера ты хуй с пальцем сравниваешь, а? Там от встреч миллионные контракты зависели, а тут, блядь, работы, которым я лично башляю. За свои бабки ещё и потрататься не могу.

– Костя... – шипит и глазищи щурит, как будто дыру у меня в башке выпилить пытается. – Мы с тобой как-то раз обсуждали, что если ты снова начнёшь диктовать условия, я просто выйду из проекта. Я не просила тебя вкладываться и хотела обойтись своими собственными накоплениями. Это ты настоял на большей площади, на локации в самом центре и буквально впихнул мне свои деньги. Эта ситуация тебе ничего не напоминает?

То, что с утренней еблёй срезает, пиздец как выводит. Я-то хотел ей приятное сделать, когда в кафе вкладывался, а по итогу она меня из-за него кидает, да ещё и претензиями сверху нахлобучивает.

Стояк сдувается махом. Я из кровати вылетаю и, чтобы не закуситься с ней, в сортир съёбываю. А то с психу посыплет-

ся из меня как тогда на выставке, и всё, пизда: тут же чемодан соберёт. Но как же бесит, блядь, её самостоятельность. Полным лохом себя чую: опять она всё в обход порешала, а ты, Костя, иди на хуй.

Чтобы порожняком не отсиживаться, отливаю и топаю в душ.

Когда выхожу, она на кровати сидит, одетая, и на меня исподлобья пялится.

– Илюха там охуел, наверное, тебя ждать, – буркаю. – Беги скорее, а то кипиш поднимет.

В гардеробную захожу и, чую, за мной идёт. Я зубы стискиваю и рубашку с вешалки дергаю. Идёт – да и похуй.

Только ладонь в рукав просовываю, как она носом мне в спину тычется. Внутри аж обмякает всё. Ладно, не похуй. Хуже было бы, если бы молча съебала и меня опять виноватым во всём сделала.

– Ну и чего ты распахивался?

– Потому что без ебли меня оставила, ясен хер, – цежу.

– Мы полночи сексом занимались в пяти разных позах. И когда ты из офиса вернёшься – опять займёмся. До вечера ты точно сможешь потерпеть.

– Ну а я с утра хотел. Ты вроде в курсе моих привычек.

– У меня тоже есть свои привычки: например, не опаздывать на встречи. Мы же не будем спорить, чьи важнее?

Вот реально она меня под себя прогибает. Причём культурно так: то на ответственность надавит, то вопрос задаст

с подьёбом, на который хуй что ответишь. Попробуй скажи ей, что мои привычки важнее – тут же на месте загрызёт. Просто я ни хера не привык, чтобы меня в отношениях двигали. Обычно кто башляет, тот и сверху.

– Я думал, что потрахаемся и я тебя сам отвезу.

– Нам не обязательно всё делать вместе. Я никуда от тебя не денусь.

Вот это «не обязательно всё делать вместе» только сильнее подбешивает. Я, сука, как будто попрошайка, который её заебал.

– А тебе времени свободного мало, что ли? Я и так полдня на заводе торчу. Надо к ночи, что ли, домой приезжать?

– Нет, не надо приезжать позже. Свободного времени мне хватает, – руками меня за пояс обхватывает и к спине щекой прижимается. – Когда тебя нет, я очень скучаю.

Вот она, жучка, всегда знает, что и когда выдать. Как про то, что скучает, сказала, меня сразу отпустило. Реально, что ли, ссу, что без меня заебись ей и что съебать может.

Чтобы как дятел в одном рукаве не стоять, рубашку на пол кидаю и к ней поворачиваюсь. Смотрю – улыбается стоит.

– Дуй давай к своим работягам, – ворчу и за жопу её щипаю. – За сегодняшний проёб с тебя минет часовой.

Она ржёт и изнутри языком в щеку долбит.

– Как скажешь, милый. У тебя, кстати, какие планы сегодня?

Я, блядь, как вспоминаю про эти планы, аж морщусь.

– Собеседования у меня опять эти ебучие. Француженка эта дранная, Тамара, поднаслала так поднаслала.

– Бля-я, останься, а? – на Эрика смотрю с тоской. – Прособеседуешь их, а потом я выберу из оставшихся.

– Вот уж нет, – хмыкает и портфель свой скорее пакует. – Я на прошлой неделе четыре часа на это убил, а в итоге ты пятерых забраковал. Давай уж ты сам, а я пока с водоканалом вопрос решу.

– Ну пусть тогда кофе мне принесёт кто-нибудь, раз уже мне тут два часа со всякой шушерой ебаться придётся.

Он сочувственное ебало делает.

– Так некому же.

– Да, блядь, бухгалтерия же литрами его жрёт. Пусть одну чашку и мне сделают, – рывкаю. – Ладно, короче, пиздуй в свой водоканал. Сам им наберу.

Звоню бабам в бухгалтерию и прошу кофе притарабанить. Те прихуели слегка, но сказали, что принесут.

Реально без Тамары себя инвалидом чую. Дохуя она оказывается вопросов закрывала. Звонки, кофе, бумаги, напоминалки всякие. А сейчас кайфует небось с круассаном в зубах. Когда заявление притащила, даже лицо погрустнее сострять не смогла: стояла и лыбилась во весь рот оттого, что наконец съёбывает. А в мыслях стопудово ещё и на хуй меня посылала.

Через пятнадцать минут Маринка, зам бухгалтерши, в

дверь скребётся и кофе заносит. На вид говно полное и на вкус тоже.

– Константин Викторович, там, кстати, люди в приёмной сидят, – в дверях блеет. – Они к вам, наверное?

– А хуле сидят-то они там? Пусть заходят.

Она глазами перепуганно лупает.

– По очереди к вам пригласить?

Я зубами скриплю. Бля-я. Реально весь офис на Тамаре держался. Надо срочно кого-то брать, иначе пизда заводу.

– Кто первый подошёл, того и первым заводи.

На нервяке кофе отхлёбываю и морщусь. Харкнула, что ли, она туда. Что за вкус ебанный?

Дверь открывается, и заходит ко мне очередное чучело. Я аж, сука, завить готов. Чем думают они, когда в офис устраиваться приходят? Точно не башкой.

У телки этой весь периметр – сплошной ред флаг, как Эмма это называет. Лохмы до жопы, шорты кожаные чуть педик прикрывают, каблуки стриптизёрские и наколки на обеих ляхах. Я такого ядерного набора даже в порнухе не встречал.

– Здравствуйте! Я на собеседование, – в кресло приземляется и бумажки распечатанные передо мной аккуратно выкладывает.

И вот хуле с ней делать? По уму надо сразу на хуй послать, чтобы время не тратить. Лучше бы сам в водоканал поехал, а Эрика здесь оставил. Этот умеет интеллигентно отбривать.

Эта чуёт, что молчу, оглядывается и пищит.

– У вас тут очень красиво.

– Ты, короче, не подходишь, – бумажки ей обратно толкаю. – Мне работать надо, а не втирать тебе за дресс-код.

На ней, блядь, столько ресниц, что я даже не понимаю, куда она смотрит.

– Вы даже моё резюме не посмотрели, – бубнит обиженно.

Я переносицу жму, потому что заводиться начинаю. Говорю же, не моё это – с леваками перетирать.

– Да уже похуй вообще, что там у тебя в резюме. Мне секретарша для дела нужна, а не чтобы работягам члены поднимать. Всё, дуй давай.

Эта сваливает вся красная и недовольная, и следом сразу дед лет шестидесяти с хером заходит. У меня, сука, нога под столом дёргаться начинает. И как мне его просить кофе сварганить? «Отец, не в службу, а в дружбу?»

– Авдотьев Олег Павлович, – представляется, чем на меня сразу тоску нагоняет.

И сам он весь, сука, грустный: от галстука нафталинового до тапок, из которых носки торчат.

– Проработал двадцать лет в охране музея. Музей закрылся. Теперь вот ищу работу.

– А чего не в охране? – спрашиваю, потому что реально не догоняю, какого хера он ко мне припёрся.

– Мало денег платят.

А чего, блядь, сразу не в Газпром топ-менеджером? Там

тоже зарплаты заебись.

– С компом работать умеешь? – спрашиваю, чтобы сразу его отбрить.

– Умею немного.

Цирк, сука. Эрику пизды надо вставить за то, что в объяве ни требований нормальных, ни возраста не указал.

– Резюме оставь, – говорю. – Я посмотрю и перезвоню в случае чего.

Дедок встаёт и уныло к двери топает. Он походу и не рассчитывал ни на что особо.

Я на бумажку кошусь, проверить, оставил номер или нет. Соседу потом контакт дам – он вроде охранника себе на дачу искал. А то жалко старикана.

Цифру фоткаю и после Эрику набираю, чтобы наехать.

– Ты в объяве вообще ни хуя что ли не указал? Ни возраста, ни пола? Ко мне то стрипуха, то пенсионер из охраны приходят.

– Так пол и возраст нельзя указывать, – ржёт. – Это считается дискриминацией.

Следующей студентка очкастая приходит. Тоже мимо. В глаза посмотреть боится, мямлит и трясётся. На такую один раз рывкнешь – она окочурится.

Ебанный в рот. У меня же и зарплата нормальная. Какого хуя в приёмной одни инвалиды собрались?

Я уже перекурить хочу пойти, когда дверь открывается и следующая кандидатка заходит. Я жопу от кресла как под-

нял, так обратно и кинул – вахуе.

Телка нормальная такая. В смысле, прямо пиздатая. Там и рост, и интерьер зачётный, и одета годно.

В киношках таких секретарш показывают, хотя я сам лично в офисах похожих не наблюдал. Тёлки такого уровня обычно на геликах рассекают, которые им папик с барского плеча отслонявил.

– Здравствуйте, – выдаёт чётко. – Могу присесть?

– Садись, – говорю, но без энтузиазма.

Ну вот хуле ей тут делать? Не катит она на секретаршу. В другой раз я бы взял, конечно, чтобы выебать, а сейчас-то чего?

– Анна Сергеева, – продолжает на спокойном и в глаза мне пялится. – Пять лет вела административный отдел в компании по оптовой торговле бытовой химии.

Смотрю резюме её на автомате. Тридцать два ей, эконом-фак закончила, десять лет трудового стажа. Так и не скажешь, что чья-то присоска.

– А чего ушла?

– Компанию продали, новый собственник привёл свою команду. Но я получила хороший опыт и рекомендации.

– С документооборотом работала?

– Да. В том числе с договорами, счетами, актами, – тараторит, не моргнув глазом. – Вела протоколы совещаний. Организовывала встречи, командировки. Опыт работы личным помощником тоже имеется.

Я зависаю и в лоб ей плююсь старательно, чтобы ненароком к сиськам не спуститься. Из всех кандидатов, что приходили, эта самая подходящая. Не мямлит, и видно, что с башкой дружит.

– Скажи как есть, – предлагаю ей по-свойски. – Ты просто перекантоваться хочешь или надолго?

– Надолго, разумеется. Я не люблю прыгать с места на место. Думаю, по моему резюме это видно.

– А если я, допустим, не выплусь и наорать на тебя захочу – ты сразу с заявлением прибежишь?

Она пару секунд покумекала и выдаёт:

– Со стрессоустойчивостью у меня всё в порядке. Бывший шеф был боксёром, если вам это о чём-то говорит.

Ой, бля-я. Боксёры – это реально клиника. Был у меня такой заказчик, в прошлом чемпион какой-то. Как бухнет, так у него сразу крыша течь начинается. Либо орёт и махаться лезет, либо ревёт навзрыд. Пиздец, короче, полный.

Я бумажки её ещё разок просматриваю, проверить, что там у неё с семейным положением. До мужей мне похуй, но надо за пиздюков узнать. Если есть и мелкие – то хуево. Больничными стопудово заебёт.

Ищу, но вижу ни хера.

– Дети есть? – спрашиваю.

– Нет. Ни детей, ни мужа, – и улыбается чуток.

Бля, ну это просто бинго. И интерьерная, и с башкой, и без прицепа. После толп калек наконец-то фартануло.

– Всё, иди, – говорю, чую, что она замерла и пялится. – И ждулям в приемной скажи, чтобы по домам валили. Тебя завтра к восьми жду.

Ещё пару часов торчу в офисе, потом решаю, что и так до хуя сделал, и выезжаю к Эмме на объект – глянуть, как там ремонт продвигается, и заодно вместе пожрать.

То, что моя телка сама стройкой рулит, конечно, поначалу бесило люто. Может, кому-то такое и вкатывает, но точно не мне. Сразу кажется, что яиц лишают. Если баба сама всё может – на хера ей вообще мужик сдался? Срались мы с ней месяца два на эту тему. Я бы, наверное, хер куда подвинулся, если бы она не разжевала, что ей самой во всё вникать в кайф. Сказала, мол, вот как для тебя завод, так и для меня кафе – дело всей жизни. И что если ни хера не будет делать, то её паника нахлобучит, и это по-любому скажется на наших отношениях.

То, что она напрямую с мужиками контактит, по-прежнему ебать как бесит, но по-другому я хер знает как. Если уж выбирать между бабами типа Арины, которых только дети и шмотье парят, и деятельными типа моей, я стопудово второе выберу. Да и Эмма молодец, что договариваться со мной пыталась: а то с её характером сучьим могла бы ультиматум поставить, но она втирала долго и так и эдак. Короче, по итогу сдался я. Раз уж телку с норовом выбрал, надо тоже чуток двигаться.

Тачку на парковке у входа кидаю и внутрь кафе топаю.

Место, конечно, пиздатое: рядом улица пешеходная и парк. Я специально на нём настаивал, чтобы и проходимость нормальная была, и от завода катить удобно.

Захожу и вижу картину маслом: Эмма на стремянке стоит и потолочный светильник пальцем ковыряет.

– Он же даже стоит неровно.

– Это отсюда так кажется, – прораб гундосит.

Она, чуя, психует. Молча вниз по ступенькам скатывается и в другой конец зала марширует.

Я в потолок зыркаю и вижу, что реально плафон криво стоит чуток. Вот же, блядь, пидарасы криворукие. Отметки толком нарисовать не могут.

– Слышь, – прораба окликаю. – Ты ими в шахматы, что ли, играл?

Этот набычился и пялится на меня исподлобья.

– Нормально они стоят. Мы всё лазерной рулеткой проверили.

Тут уже я психовать начинаю, что за долбоеба меня держит. У меня же не жопа глаза, чтобы ровно от криво не отличить.

– Ну так ещё раз проверь! – рявкаю.

– Костя, подожди, – Эмма из соседней комнаты выходит. – Сейчас я сама всё посмотрю.

Подходит к стремянке и дальномером в потолок щёлкает. Поводила прицелом туда-сюда и на прораба с претензией уставилась.

– И зачем ты мне врёшь?

Этот долбоеб мнётся стоит, потому что сказать ему не хуй. А хуле тут скажешь, когда лазер сантиметров на пять отклонение показал? У меня уж руки сразу чешутся ему втащить за то, что шлангом прикидывался.

Рот открываю, чтобы словесных пиздюлей ему навалить, но Эмма опять опережает.

– Валера, давай проясним кое-что... – и голос у неё ласковый и сучий одновременно. – Если ты в какой-то момент решил, что имеешь дело с дурочкой, которой можно легко втулить дерьмовую работу по полной стоимости, то ты ошибся. Мы договорились, что основные работы будут завершены к концу недели, так? Имей в виду, что после я пройдуся с этой рулеткой в каждом помещении и заставлю исправить каждый косяк. За ту сумму, о которой мы договорились, жду уровня подготовки стен не ниже, чем КУ 2. То же самое после покраски. Возьму лампу Лосева или телефонный фонарик и просвечу все ляпы. Пока я не приму работу, ни о каком расчёте и речи не будет идти. Так что ради своих же интересов больше не пытайся меня наебать.

Прораб покраснел весь от натуги и в пол пялится, пока её слушает. Я и сам стою вахуе, потому что в душе не ебу, что такое лампа Лосева и КУ 2. И откуда она только, блядь, этого набралась?

– Ни хера ты прошаренная... – говорю, когда прораб отлить сваливает. – А я-то думал, что ты им сразу все бабки

заплатила.

– Нет, с ним вперёд расплачиваться точно нельзя, – она волосы со лба сдувает и рукой обмахивается. – Душно здесь так, да? А ты чего не предупредил, что подъедешь?

– Сюрприз хотел сделать, хуле, – ржу и на автомате на сиськи ей пялюсь. Вот вроде и бесит это её «сама-сама», но и вставляет до стояка. Реально не встречал таких, как она.

– Думал, приедешь, а я тут задом кручу перед мужиками? – вплотную ко мне подходит и руки на шею закидывает. – Или как уж ты тогда сказал?

Постоянно, блядь, на эту тему подьёбывает, жучка. Злопамятная, что пиздец.

– Так накрутила, что я один обоссался, – я жопу её ладонями сжимаю и к себе толкаю. – Они когда свалят отсюда?

Она сиськами об меня трётся и языком по губе елозит смачно.

– К чему этот вопрос?

Стояк так молнией сдавливает, что у меня аж ебало перекашивает. Вот что значит – не дала с утра.

– Выебать тебя хочу вот на этой стремянке.

Она языком у меня во рту пошелудила чуток, потом медленно отлепляется и сочувственно выдаёт:

– Уйдут они не скоро. По срокам подводят, поэтому договорились, что работать будут до ночи.

Я даже психануть не могу, что член стоит вхолостую, и в моменте по-хорошему охуеваю, как у неё чётко всё. Сам с

работягами полжизни дела имею и знаю, что большинство из них – ленивые пидарасы, которые вечно наебать хотят. Уж у меня они сколько на лютых поджопниках летают, и то нет-нет филонят. А она тут целую бригаду построила.

– Ну поехали тогда пожрём, – за плечи её обнимаю и к выходу тяну. – Я на сегодня всё, свободен.

– Уже? – брови поднимает. – Как, кстати, прошло собеседование?

– Взял одну. Среди калек только она была нормальная.

– Ну и отлично. Я же говорила, что незаменимых людей не бывает.

– В смысле не бывает? – за жопу её щипаю. – Где ты такого второго, как я, найдёшь?

Она глаза закатывает и ржёт.

– Ты не просто нарцисс, а целая грядка. Зато Эрик, наверное, обрадовался, что теперь ему не придётся тебе кофе готовить.

Я тут же представляю его ошалевшее ебало, как только он замену Тамаре увидит, и на автомате лыбиться начинаю. Уж этот кобель кастрированный точно рад будет. А вот жена его – хуй пойми.

Два дня спустя

– Всё, вставать надо, – я член из неё вытаскиваю и прямо чувую, как сперма на простыню вытекает.

Охуенно всё-таки с таблетками трахаться: ни гондонов не надо, ни выдёргивать перед тем, как стрельнуть. Наживую ещё и ощущения кайфовее – я первые пару недель по-хорошему охеревал.

– Может, ещё минут десять полежим? – она на спину переворачивается и улыбается довольная до усрачки. Еблю прямо обожает: часами может с члена не слезать.

– Ты валяйся, а мне в офис ехать надо.

– Ты такой стал пунктуальный.

– Ну так у меня теперь секретарша есть. Каждый день в расписание что-то вбрасывает.

– Похоже, она тебе нравится, да?

Я трусы с пола поднимаю и на неё с опаской плююсь. Подъебать хочет или просто переспрашивает?

То, что Анька – тёлка интерьерная, я не рассказывал, и, походу, поэтому себя чуток не в своей тарелке чувствую. С другой стороны, а хуле рассказывать? Я же не за сиськи её брал, а потому что башковитая.

– Заебистая она, а так нормальная, – буркаю. – Я в душ.

Если потянет на коленках постоять – присоединяйся.

– Если потянет – обязательно присоединюсь, – ржёт. – Ты сегодня до сколько, кстати?

– До обеда точно на заводе буду, а потом в бассик пойду. Ты тоже давай подкатывай. Вместе поплаваем.

Она замялась и давай одеяло теревить.

– У меня, наверное, не получится сегодня. Надо кое с кем увидеться.

– Кое с кем – это с кем? – пялюсь на неё с подозрением.

– Могу не отвечать? Мы с тобой как-то договаривались обходить эту тему.

У меня аж, сука, пар из ушей валить начинает. Это она про пидора этого губастого, брательника так называемого, который не брательник ей ни хуя. Вот уж кому я не простил то кидалово с бабками, так это ему. И похуй, что Эмма потом почти всё вернула. Как-то в башке у меня закрепилось, что именно он во всей этой ебанной истории главное чмо, и любое упоминание о нём теперь поперёк горла.

– И на хуя тебе с ним встречаться? – чеканю.

– Он на пару дней приехал с Кириллом. Это ещё один подшефный мой из детдома. Я соскучилась и хочу с ними увидеться.

Котёл окончательно закипает оттого, что она так спокойно это выдаёт. Конечно, хуле не видется с двумя мужиками, один из которых меня на двадцать пять лепех киданул?

– Нет, ни хуя! Не будешь ты с ним встречаться.

Она насупилась, на локте поднялась и села так, что и сиськи голые, и щель развороченная вся на виду. А меня так новость о приезде этого пидора взъебала, что я туда почти не смотрю. В башке гул стоит и убивать охота.

– Напомню, что ты не имеешь права мне запрещать, – цедит своим ласково-сучьим тоном. – Я могла бы встретиться у тебя за спиной, но мы договаривались друг другу не врать, поэтому я честно обо всём рассказала.

– И заебись, что рассказала! – ору с психу. – А я тебе на это отвечаю, что не хуй с ним встречаться. Этот опеждал домовский меня киданул. Сажать я его не стал, но, блядь, и в десна бахаться хуй буду.

– Я не прошу тебя с ним дружить, хотя мне бы, конечно, этого хотелось. Но Эдик – мой лучший друг и человек, который неоднократно меня спасал. Неизвестно, где бы я была без его поддержки. Он мне больше, чем брат, и я просто не могу от него отвернуться.

– Меня он нихуя не спасал, а развёл как последнего лоха. Ты ему в своё время на зону и так передачи носила. Считай, вы квиты.

– Квиты мы или нет, это не тебе решать, – шипит. – Я не твоя собственность.

– Вот нахуя ты постоянно это повторяешь? Собственность – не собственность? Я тебе подробно разжевал, почему ты не будешь с ним встречаться. Надо ещё подробнее?

– Нет, не надо. Мне жаль, что в прошлом всё так вышло

между нами, но, повторюсь, деньги тебе вернули. Отказываться от Эдика я не хочу и не буду даже по твоей просьбе. Он был самым близким мне человеком на протяжении двадцати лет и ни разу не предал. А мы с тобой вместе всего полгода.

– Так может, с ним жить будешь, хуле?! – рывкаю и трусы, в руке зажатые, с психу в стену швыряю. – Баба у него не против будет, раз уж вы ебать какие друзья?! Там, глядишь, ещё кого-нибудь на бабки разведёте!

– Я уже говорила, что обратно в эту яму не вернусь. Жить с Эдиком я никогда не хотела и вряд ли это когда-то изменится. Я живу с тобой до тех пор, пока нас обоих это устраивает. Если тебя перестанет устраивать, ты можешь всегда мне об этом сказать, и я съеду в тот же день.

Бля-я-я, как же охота ей проорать, что если встретится с этим хуем – пусть пакует шмотки и уёбывает. Вот прямо с удовольствием бы ей это вывалил. Аж, сука, трясёт всего. Я раньше с тёлками так и делал. Всю хуйню, что с психу в башку пришла, в голос орал – и похуй было.

А с ней, блядь, вечно приходится тормозиться, потому что в курсе, что дальше будет. Ни хуя она истерики не закатит и мириться с перепугу не полезет. Кинет «ладно», с каменным лицом встанет и пойдёт манатки паковать. И по итогу я сам буду ей на трубку наяривать и прощения просить за то, что опять хуйни нагородил.

– Если что, скажу по-любому, – цежу и в душевую топаю.

Дверью шарахаю со всей дури, воду ледяную включаю и с башкой под неё встаю.

Взбесила она пиздец. И тем, что встретиться с ним хочет, и тем, что этого хуя самым близким назвала. Его она, блядь, двадцать лет знает, а Костя так, хуле, рядом проходил.

Ну раз так хочет, пусть пиздует к своим детдомовцам. Я тогда тоже от души выгуляюсь. А то реально как шавка домашняя стал: с завода сразу к ней.

– Константин Викторович, Кувшинов звонил, пока вы были на совещании, – Анька чашку передо мной ставит и ещё кучу хуйни выкладывает рядом: ложку, салфеткой обмотанную, плоски с сахаром и молоком и ещё два шоколадки мелких, упакованных один в один как гондоны.

– Чего он хотел? – буркаю и кофе отхлёбываю. – Вот эту требуху лишнюю не притаскивай больше. Просто сахар кинь в чашку и размешай. Это у меня стол рабочий, а не хипстерский кофешоп.

– Хорошо, поняла вас, – она давай ногтями красными по столу мельтешить и обратно на поднос всё метать. – По поводу звонка: Кувшинов сказал, что через час наберёт вам лично.

– Опять, блядь, цены, походу, задрать хочет. Ладно, топай. Анька каблуками зацокала, но потом резко в дверях тормозится.

– Всё в порядке, Константин Викторович? Вы как будто без настроения.

Я на её ноги в красных шпильках на автомате в фокус беру и снова в ноут пялюсь.

– Без настроения я ещё до хера раз буду. Не обязательно спрашивать.

– Поняла вас, – улыбается и дверь за собой прикрывает.

Нормальная она такая, старательная. Порой слишком до хуя, правда, как сейчас с кофе. И не в лом же ей было ложку в салфетку мотать. Но главное, что с обязанностями справляется и, когда психую, не кипишит. А то Тамара по первой сыковала люто и сразу в туалет реветь съёбывала. А этой ещё и интерьер пиздатый бонусом.

Эрик вон повеселел даже, как она появилась. В офис теперь с хвостом поднятым припарывает и за кофе на ресепшен каждый час бегают. Так с недотраха, глядишь, и мотор стукнет.

– Доброе утро! Ты чего такой хмурый?

Только, блядь, вспомнишь о нём – он уже тут.

Эрик портфель на стол плюхает и лыбу идиотскую тянет. Для Аньки стопудово старался, а в кабинете выключить забыл.

– Не всем по утрам так заебись, – ворчу.

– Я вообще-то сам полночи не спал, – смотрит с претензией. – Ариэль заболела.

– Так тебя размножаться никто не заставлял. Хуле теперь жаловаться.

Этот вздыхает и плюхается в кресло.

– Да я и не жалуясь. Просто устал за последний месяц. Как робот, ей-богу. Каждый день одно и то же: работа, дом, тренажёрка. И везде меня имеют.

И так он это тоскливо сказал, что, несмотря на хуёвое настроение, становится ржать охота.

– А я-то думал, ты реально робот. Давай бухнем тогда сегодня?

– Среди недели? – хмурится по-задротски. – Хотя когда нас это останавливало, да? Ты с Эммой будешь?

– Нет, – отрезаю и чувю, как опять псих берёт. – Один буду. Она сегодня со своим друганом детдомовским встречается.

– Это который...? – глаза с намёком таращит, чтобы меня его именем лишний раз не взъёбывать.

– Да, пидор этот в город приехал с каким-то детдомовцем, и ей приспичило с ними повидаться.

– Ты, похоже, не в восторге.

– С хуя ли? – хмыкаю. – Уже Илюху с цветами навстречу послал.

Эрик в лоб мне втыкает не в понятках, но потом доходит, видать, что стебусь.

– Ну, ты ей сказал, что тебе неприятно их общение?

– Нет, блядь, промолчал.

– Это вряд ли. А она что?

Сука, вот не люблю я про личное тереть, но так бомбит меня, что говно само собой льётся. Если промолчу – на куски разнесёт.

– А она, блядь, ещё сверху навалила: «Он мне брат-хуят, ближе нет никого. Мы с ним тапки на двоих одни таскали, а с тобой хуй пойми ещё как сложится».

Этот глаза растерянно хлопает.

– Неужели правда они в детдоме друг за другом обувь до-

нашивают?

Я вздыхаю раздражённо. Реально он походу не выспался.

– Бля-я, не тупи, а?

– А, это метафора. Ну, понял. Слушай, ну тогда не очень красиво она себя ведёт. Знает, что тебя это задевает, и всё равно делает.

Вот я вроде сам о том же недавно думал, но когда Эрик это выдаёт, её сразу прикрыть охота, а ему наоборот словесных пиздюлей вломить.

– А то, блядь, Арина твоя не в курсе, что ты бесишься, когда она тебя как пиздюка пасёт и бухать прилюдно запрещает? – цежу. – И похуй ей.

Этот скуксился сразу и в ноут уставился. С минуту по клавиатуре подолбил, потом рожу снова вытаскивает и выдаёт решительно:

– Слушай, если настроение есть – давай выпьем. От нас в пятнадцати минутах винотека новая открылась. Можем Аню с собой позвать – отметим новое назначение.

Первая мысль сразу: нахуй Аньку. Всё-таки левая телка, да ещё базар сидеть фильтровать. А потом думаю, что Эмма сама с двумя мужиками свиданькаться бежит, и говно по новой закипает. С полупидором этим они в десна бахаются двадцать лет, а я так уж хуле: членом каждую ночь перед ней машу да кафе спонсирую.

– Похуй, зови, – говорю. – Жратва, надеюсь, есть в этой винотеке.

«Мы всего пару часов посидим, а потом я свободна. Ты ещё собираешься на тренировку? Если да, то я подъеду».

Я читаю её сообщение, но ни хуя не отвечаю. Опомнилась, блядь. Она, значит, будет с двумя хуйланами лясы точить, а я как тупорылый лосось должен в это время в бассике плавать. Потом она довольная подскочит, и будем с ней вместе круги наворачивать. Заебись придумала.

А вот хер там. Теперь пусть и она подождёт, пока мы с Эриком напиздимся.

– Ну что, – он в кабинет заваливается, довольный до усрачки. – Я стол забронировал, через полчаса можем выезжать. Аня тоже пойдёт, кстати.

– Кстати? – подъёбываю. – Да ты только поэтому копытами стучишь.

Выходим, грузимся к нему в тачку. Я на водительское сажусь, Анька назад залезает. В салоне сразу её духами пахнуть начинает, и мне с нихуя становится не по себе. Как будто она на коленях у меня голой жопой поерзала и сиськи в рожу пихнула. Прямо неудобняк перед Эммой становится, хотя и причины нет.

Компания бабская – это Эрику в кайф, а мне вообще похер.

– У нас, значит, сегодня первый корпоратив? – Анька по-

даёт голос.

У меня башка не тем занята, поэтому отмалчиваюсь.

Вот интересно, блядь, если бы мне Дианка набрала и попиздеть за жизнь предложила, как бы она отреагировала? Ну а хуле такого-то? Целых шесть лет как кролики трахались, и у меня язык в каждой её дырке побывал. Тоже, считай, никого ближе неё не было.

Эрик, видать, чухнул, что не отвечу, и сам давай распи-
наться.

– Константин Викторович не любит корпоративы. Считает, что это вредит корпоративной иерархии и рабочей дисциплине.

– Да, конечно, хуле, – ворчу. – Эти долбоебы в цехах и так бухают как суки, чтобы им ещё дополнительно наливать. И офис не хер на пьянках снюхивать. Год назад двое из закупок под Новый год переебались – и сразу началось. То орутся они, блядь, то мирятся, то женятся, то разводятся. По итогу пришлось одного под сраку пнуть, чтобы хуйню эту прекратить.

Анька помолчала и выдаёт со знанием дела:

– Думаю, в крупных предприятиях такое решение вполне оправдано.

Ну ещё бы она что-то другое сказала. Башка-то у неё рабочая, чтобы после недели работы со своим уставом на мой завод лезть.

Винотека эта оказывается конурой с пятью столами и ба-

тарелями винища. Я поначалу съебать хочу, но потом вижу, что тарелку со жратвой мимо проносят, и решаю, что выглядит она сносно.

Короче, похуй. Бутылки две на троих раздавим, пожрём да разъедемся. Запала бухать как раньше нет ни хера, даже с учётом того, что Эмма ведёт себя как сучара. Утром проснешься с гудящей башкой и весь дёрганный. А ещё и в офис со сранья тащиться надо, и плюсом с ней грызться.

– Аня, ты вино какое предпочитаешь? – Эрик кобеля обязательного включил и засуетился. – Белое, красное?

– Белое, – говорит. – Но если будете бутылку заказывать, я любое поддержу.

– Ты, главное, скинуться в конце не забудь, – стebусь. – И много не заказывай.

– Константин Викторович шутит, – Эрик по-быстрому вставляет, как будто ссыт, что она съебать может.

– Я поняла. И ваш намёк тоже поняла, Константин Викторович, – Анька многозначительно в глаза пялится. – На со-трудниках вы не экономите.

– Я вообще по жизни не экономный. – Я официанту машу. – Эй, шкет! Прими заказ, а?

Помещение может и конура, но сервис и кухня тут реально вышка. Такие устрицы притарабанили, которых я даже в Мишлене не ел. Я по итогу себе мерло заказал, а эти двое белым заливаются.

Эрик сегодня прямо тамада. Кудяхчет, не затыкаясь: и про

то, как мы завод поднимали, и про экономику, и про жратву. Настроение говно, поэтому я вполуха слушаю, но Анька ему там внятно по теме рубит.

Реально с мозгами она баба. Хуле в своё время такую не нашёл, а женился на этой овце безмозглой? Так бы вместо того, чтобы с бутылкой от Арины шкериться, глядишь, бухал бы с Анькой вечерами и пиздел до усрачки.

– Извините, я отлучусь ненадолго, – Эрик мобилу жужжащую вверх поднимает и к выходу несётся.

Я вино отхлёбываю и ржу в мыслях. Всё, погнал пиздюлей огребать.

– Видимо, жена позвонила, – Анька улыбается с намёком, давая понять, что не дура. – У Эрика, кстати, дети есть?

Киваю.

– Третий на подходе.

– А у вас?

– Не-а. И не хочу.

Эта ещё шире заулыбалась.

– Непопулярное мнение, которое я отчасти разделяю.

– Что, нянчить пиздюков неохота?

– Просто пока не вижу себя сидящей дома. Для этого у меня слишком много карьерных амбиций.

– А чего тогда в секретари заделалась?

– Потому что в будущем рассчитываю на повышение, – выдаёт и вина глотает.

– И на какое же? – ухмыляюсь. – Моё место занято.

– Нет, так высоко залезать я не планирую. Но в будущем я бы хотела переквалифицироваться из секретаря в личного ассистента. Мой функционал, к счастью, такое позволяет.

Ни хера себе заявки на первом корпоративе. В целом-то однохуйственно: что помощник, что секретарь. Или, может, она по командировкам с нами хочет гонять? А то Тамара-то как приклеенная к стулу сидела. Ладно, позже разберёмся.

– На чём мы остановились? – это Эрик за стол плюхается. – Я вроде про свой опыт на криптобирже рассказывал?

Трубку спрятал, значит, с женой порешал. Ну и заебись. Пусть дальше теперь между собой пиздят, а то мне чего-то до хуя утомительно.

В экран мобилы на автомате заглядываю, проверить, не писала ли эта жучка, и вижу, что сеть ни хера не ловит. Да и похер. Пусть, блядь, теперь и она чуток покипишит.

Часа два, наверное, сидим. Меня то ли от напряжения, то ли от устриц развезло в хламину. Тупо пиздёж Эрика слушаю и угораю.

– Нет, Ань, ты не права, – тараторит. – Даже у тебя классная фигура, а у тебя она действительно классная... Я считаю, что всё равно нужно заниматься спортом. Ты читала последние исследования по саркопении? Кто не в курсе, это атрофия мышц, бич нашего времени. Очень многие после сорока ей страдают, поэтому врачи говорят, что тренировки обязательны.

Я ржу.

– Да ты же сам полгода назад заниматься начал.

– Я так понимаю, что вы оба в спорте? – Анька ко мне поворачивается. – А в какой тренажёрный зал ходите, если не секрет?

– Эрик в какой-то рядом с домом, а я здесь, недалеко. С бассейном и со спашкой.

Хуй знает, почему после ответа мне вдруг захотелось башку задрать, но я задираю и застываю вахуе.

Прямо по центру винотеки Эмма стоит рядом с админом и таращится так, будто выебать меня прямо сейчас готова без смазки.

Админу что-то сказала и походкой от бедра к нам шурует. Приходится себе в мыслях пиздюлей дать, чтобы поскорее собраться.

Ну а хуле она такого увидела-то по сути? Я же не с левой бабой на свиданке сижу, а с Эриком и своей секретаршей. Сама-то хуй пойми, где всё это время шароебилась.

– Добрый вечер, – здоровается со всеми и ледяной взгляд мне в лобешник вхуячивает. – Присяду?

Эрик тут же с места подпрыгивает, чтобы кресло ей подтянуть, чем бесит страшно. Так-то это моя тёлка – на хера он вместо меня суется?

– Спасибо, Эрик, – она садится и на Аньку с улыбкой смотрит. – Привет! Я Эмма.

– Анна, – та выдаёт в ответ и тоже улыбается, правда чуток напряжно.

– Анна – наш новый сотрудник, – вставляет Эрик, чтобы она, видать, на нас лишнего не подумала.

– А-а-а! Значит, это вы пришли на место Тамары?

У меня от появления Эммы очко чуток сжалось, а сейчас опять расслабляется. Потому что тон у неё не сучий, а весёлый даже, как будто ничего против компании Аньки она не имеет.

Заебись, если так. А то я реально ссал, что она как Аньку

увидит, всякую хуйню начнёт думать. Что я её не за мозги нанял, а для того, чтобы присунуть.

Ну раз тут пронесло, сразу второй вопрос наклёвывается: как она вообще адрес винотеки вычислила? Сам-то я никому не говорил.

– Если Тамара – это предыдущий секретарь Константина Викторовича, то да, – Анька отвечает.

Тут уже я себя долбоебом чувствовать начинаю, что эти общаются, а я молча сижу, и сам Эмму окликаю.

– Эй! А ты чего приехала-то?

Она мне в глаза смотрит и ласково так цедит:

– А что, не нужно было?

Даже хуй знает, что на это ответить. Так-то можно было огрызнуться, мол, хуле не осталась сидеть с теми, с кем сидела. Но, с другой стороны, заебись, что она при Аньке кипиш не подняла и орать не стала: «Хуле ты с бабой сидишь, да ещё ни хера не отвечаешь?» Поэтому и самому раскачивать нет резона.

– Да нет. – Я официанту знак делаю, чтобы меню притарбанил. – Есть что-нибудь будешь?

– Нет, спасибо. Я воды минеральной попою.

– Здесь связь, кстати, ни хера не берёт, – говорю, чтобы поняла, что я трубку спецом не вырубал.

– Да, я так и поняла, потому что не могла до тебя дозвониться, – отвечает на спокойном.

– А как адрес узнала?

– Потом расскажу.

Блядь, вот она меня и бесит, и вставляет своим покерфейсом. Я-то в курсе её темперамента сучьего, и то что моя молчанка ей пиздец как не понравилась. Сам бы я при таком раскладе хуй на всех забил и орал так, что официанты со страху на улицу съебали.

А она прямо железно лицо держит и Аньке вон улыбается. Минералки хлебнула и снова к ней.

– Анна, и как вам работается на новом месте? Косте с вашим появлением точно стало легче.

– Пока мне всё нравится. На предыдущем месте работы я занималась плюс-минус похожим, поэтому с адаптацией не возникло проблем.

По Аньке видно, что неважоту ей стало сидеть: сначала в сумке закопошилась, потом в мобильник давай зыркать.

– Ну что, мне пора, – выдаёт в конце концов и на меня с Эриком по очереди смотрит. – Константин Викторович, Эрик Олегович, спасибо за мини-корпоратив. Было приятно и познавательно.

Оттого, что она сейчас съебнет, прямо легче становится. А то реально себя котом обоссавшимся чую, когда она и Эмма с двух боков сидят.

– Аня, подожди! – Эрик из кресла вслед за ней как пробка выстреливает. – Я сейчас расплачусь и тоже такси вызывать буду. Могу и тебя докинуть.

Я мысленно ржу. Блядь, ну кобелина ссанный. Всё у него

по старому сценарию.

– Хорошо, – Анька кивает. – Я на улице подожду.

И только она за дверь съёбывает, Эмма к нему поворачивается и чеканит:

– Эрик, тебя беременная жена дома ждёт. Уверен, что это хорошая идея?

Этот покраснел до ушей и бормочет:

– Не вижу ничего страшного в том, чтобы по пути домой завести сотрудницу.

– Значит, нет ничего страшного и в том, что Арина об этом узнает. Потому что я точно ей расскажу.

Эрик как такое услышал, сразу в цвет рубашки становится. Я тоже плююсь на Эмму вахуе. Я сам его блядство не одобряю, но хуй бы когда стал сдавать.

– Вот на хера ты лезешь... – за локоть её трогаю.

– Вы друг друга по-мужски прикрываете. Мы, женщины, делаем то же самое, – отрезает и взглядом ледяным меня прикладывает. – Кость, нам с тобой тоже есть о чём поговорить.

Бля-я-я... Я уже подумал, что за встречу с этим пидором её совесть загрызла, и она решила всё на тормозах спустить, но, видать, хуй там.

– Я просто поднимусь и в такси её посажу, – Эрик бормочет. – Не надо, ради бога, ничего Арине говорить.

Эрик половину бабок за счёт вкидывает, Аньку провожает и съёбывает по-тихой. Я винище хлебаю и в мыслях готовлюсь, что Эмма наезжать начнёт. Уж, блядь, точно она не о приятном поговорить хочет.

– Ну и чего ты молчишь? – ворчу, пока она лобешник мне глазами сверлит.

Она бровь поднимает и стебет:

– Потому что на тебя смотрю.

Да я, блядь, вижу, что смотрит, поэтому и спрашиваю. А то сижу, как будто под прицелом – хуй расслабишься.

– Как узнала-то, где я?

– Арина позвонила. Эрик ей наврал, что в офисе задерживается. Она попросила проверить.

– И ты тут же поскакала, – подъёбываю.

– По своей инициативе точно бы за тобой по городу не гонялась, – чеканит, – после того как ты намеренно меня игнорировал. Арина звонила в истерике, а для беременности это вредно. Я поехала вас искать только ради неё.

Я фыркаю с психу и вино глотаю. То есть, если бы не истерики Эриковской жены, то ей похуй, где я и с кем, так что ли?

– А что, этот долбоеб ей адрес винотеки назвал?

– Нет, этот долбоеб ей как раз-таки соврал. О чём Арина сразу узнала, потому что её телефон определяет его место-

нахождение. Сначала бы врать научились, прежде чем устраивать посиделки на троих.

От её ебанного учительского тона сразу быковать охота. Реально как будто училка пиздюков за куреху прижучила. И Эрик реально придурок: жена его передвижения с мобильника палит, а он и в хуй не брякает.

– Я чего-то не понял: ты меня в пиздеже, что ли, обвиняешь?

Она глазищами зло сверкает.

– Я тебя ни в чём не обвиняю, а прямым текстом говорю, что ты ведёшь себя как школьник. Я знала, что ты взбесишься из-за моей встречи с Эдиком, но всё равно рассказала, потому что мы так договорились... Никогда и ничего друг от друга не скрывать. А что делаешь ты?! Специально игнорируешь мои сообщения и никак не даёшь о себе знать!

– А хуле такого случилось-то?! – рявкаю. – Ты меня с толпой телок, что ли, застала?

– Интересно, а как бы ты отреагировал, если бы я тебя динмила весь вечер, а потом ты обнаружил меня в компании Арины и какого-нибудь красавчика?

– Пиздец бы вам всем тогда наступил, – говорю как есть. – Только Анька – моя секретарша, а не какой-то левый хер.

– Да ну? – она оскаливается со стебом. Один в один, сука, как тигрица. – То есть, если бы этот красавчик был поставщиком для моего кафе, тебе бы полегчало?

– Блядь, вот нахуя ты с ног на голову всё как обычно пе-

реворачиваешь?

– Это я-то переворачиваю?! Если ты думаешь, что мне не хотелось тебя прибить, как только я сюда зашла, – то ты ошибаешься. Сдержалась только, чтобы не портить твою репутацию при сотруди́ках. Но если ты ещё когда-нибудь, хотя бы раз, при ком угодно скажешь «Эй, ты, чего припёрлась?», я такой ор подниму, что тебе и не снилось.

Я реально ебанутый, потому что от её угроз настроение поднимается одновременно со стояком. Раньше бы попробовала какая-то тёлка на меня наезжать – сразу бы на хуй пошла. А когда Эмма кипишит по-сучьи, мне прямо вкатывает. Сразу ясно становится, что не похер ей, сколько бы из себя крутую и независимую ни корчила.

– Всё, что ли, сказала? – ухмыляюсь и примирительно её за коленку жму. В башке уже и картинки рисуются, как я её в тачке трахаю. – А то мне прямо интересно стало, как ты ор поднимаешь.

– Лучше тебе этого никогда не узнать, – выдаёт без улыбки.

– Ну вот и поговорили, – я пальцами в воздухе щёлкаю, чтобы официант счёт притащил. – Можно теперь домой ехать.

– Поехали, – она мобильник в сумку убирает и встаёт поделовому. – Но имей в виду, что я всё ещё злая, и секса сегодня не будет.

Домой тащимся молча. Она в одно окно пялится, я в другое.

Правда пару раз срубает меня, и просыпаюсь от того, что башка как колокол в стекло бьётся. Конечно, хуле. Илюха катит, блядь, как улитка, чтобы тачка ни на одной кочке не подпрыгнула. Так аккуратно даже министерские жопы не возят. Как тут не задряхнуть.

Когда в посёлок заезжаем, от Эрика сообщение падает: «Попроси Эмму не говорить, что Анна с нами была. Буду очень благодарен».

Бля-я, всё-таки такое он сыкло домашнее. Да открой ты рот и как есть ей скажи: что заебался и после работы вина наебнуть решил. Нет, блядь, вечно кроется чего-то и пиздит как дышит.

Если бы хоть раз себя перед женой нормально поставил, не пришлось бы дома на цырлах ходить и потом с левыми тёлками самоутверждаться. И Арина тоже овца. Самой, что ли, по кайфу, что мужик при ней пикнуть боится и вечно повод ищет из дома съебать. Как они третьего заделали – вообще хуй пойми. Неужели Эрику по кайфу мамашу трахать.

Мобильник в пиджак запихиваю и на Эмму кошусь. По-серьёзному закусилась, походу: в окно уже минут сорок как приклеенная тарашится. Хуй знает, как у неё шея не затекла.

- Кис, Арине не говори, что Анька с нами была.
- Врать мне предлагаешь? – буркает, не оборачиваясь.
- Лично я ни хера не предлагаю. Это он сам попросил.
- Тогда пусть наберётся смелости и сам Арине всё расскажет.

Я аж фыркаю, как такое представляю. Признается он только если она его крепко по фактам за жопу возьмёт.

- Да ни хуя он не наберётся. Порода у него сыкливая.
- Ну раз сыкливая, пусть дома тогда сидит, – отрезает.

Чую, это то личное у неё, то ли реально бабская солидарность.

– Эй! – тянусь и за коленку её тереблю. – Ну чего ты залу паешься? Меня тоже бесит то, что он ей слова поперёк сказать не может и по-тихой за спиной шуршит. Только мне не овцу эту жалко, а Эрика. В остальном-то он ебать какой чёткий. Я пока в прошлом году как сука бухал, он все дела на себе вывозил и даже не пикнул. Там, где я договориться не могу, этот без мыла в жопу залезет. И по оборудованию пиздец как сечёт. Башка-то у него золотая. Не было бы его – хуй бы завод подняли.

Она оборачивается наконец и даже улыбается чуток.

– Кость, ты пьяный, что ли?

– С хера это? Я максимум ноль семь выпил и ещё пожрал нормально. Жрачка, кстати, там пиздатая – зря ты отказалась.

– Просто так Эрика защищаешь. Прямо видно, как лю-

бишь его.

– Он, блядь, щенок, что ли, чтобы его любить, – ворчу. – Ну да, с женой ведёт себя как долбоеб, но в остальном-то я его пиздец как уважаю.

Она глазами меня посверлила, потом жопой по дивану скатывается в мою сторону и головой к плечу прижимается. Я реально бухой, походу, потому что внутри прямо растекаюсь салом. Думал, до завтра кусаться будем, а она сама подползла.

– Ты чего, расчувствовалась? – подстёбываю для вида и обнимаю её.

– Да, – кивает. – Ты бываешь очень милым. Меня вообще мужская дружба очень трогает. Мало кто умеет по-настоящему дружить.

– Так-то я вообще преданный, – напоминаю.

– Знаю. Поэтому не заставляй меня сомневаться и больше не игнорируй мои звонки и сообщения. Если мы вместе – значит, мы вместе.

– Да я в курсе. До Аньки мне, если что, похуй.

– Предать можно не только изменой. Просто будь всегда за меня, даже если что-то идёт не так, как тебе хочется. И я тоже обещаю всегда быть за тебя.

– Ну а за кого мне ещё топить? – я макушку её носом бодаю. – Ближе тебя у меня никого.

– У меня тоже.

– А педик этот? – хмыкаю.

– Не называй его так. Раньше был самым близким. Но теперь у меня есть ты, а у Эдика – своя семья, и он в первую очередь должен защищать их интересы.

Она помолчала чуток, а потом голову задирает и в глаза мне смотрит.

– Они в городе до завтра, кстати. Если ты вдруг передумаешь – могу вас познакомить. Эдик за тот случай хотел перед тобой лично извиниться.

– Ох ни хуя себе, – ухмыляюсь с подъёбом. – Ты, что ли, его заставила?

– Возможно.

– А трахаться будем?

Она ржёт и головой качает.

– Я бы с радостью, но у меня эти дни.

Теперь и я ржу. Бля-я, ну что за продуманная жучка. Зато обстряпала всё так, как будто меня проучить хочет.

Короче, следующим днём катим в какую-то чайхону, где педик этот с другим детдомовцем сидят. До сих пор не вкурю, как она меня на эту хуйню подписала. И на встречу, и на обед в ссанной шашлычке.

Себя я убедил, что еду тупо проверить, что за типок рядом с моей тёлкой крутится. Если чухну, что Эдик – еблан конченный и на дно её тянет, то пизда ему. Уж брататься с этим гондоном я точно не буду, даже если он сверху ещё двадцать пять лепех занесёт.

– Хватит ругаться, – Эмма за ладонь меня теребит. – Часик посидим и обратно поедем.

– С хера это я ругаюсь? Вроде молча качу.

– Материшься всю дорогу и даже не замечаешь, – ржёт. – Как дед старый.

Вот настолько он меня бесит, что говно аж через крышку выкипает. Как бы вместо «здрасьте» не размотать его по коврам.

– Так-то они могли и сами подскочить. Например, в Остерию.

– Ты же понимаешь, что ресторан для ребят дорого.

– Ну хуй его знает, – хмыкаю. – За полгода твой дружбан мог целую толпу старух на пенсии развести.

– Костя, пожалуйста, – шипит. – Мы ещё даже не припар-

ковались, а ты себя уже завёл.

– Я, блядь, насчёт него заведённый ещё со дня, как ты к нему в тачку нырнула и на шее повисла. Ладно, хуле тут обсуждать, раз едем. Но если заебёт меня, пусть на себя пеняет.

– Эдик первым конфликтовать не будет. Поэтому ты тоже держи себя в руках.

Подъезжаем на место. У меня уже от уебищной вывески подгорать начинает. Самса, блядь, номер три.

– Лучше бы в Бургер Кинге забились, – я дверь дергаю и её вперёд пропускаю. – А то тут лавашом траванешься и хуй кому потом приткнёшь.

Она молчит и вздыхает с намёком, что заебал. Ну а хуле я могу сделать, если меня всё бесит. Мало того, что с этим пидором надо ручкаться, так ещё целый час в тошниловке чалиться.

Внутри заходим. Тут всё, как я и думал: кругом ковры засаленные лежат, воняет фритюром и носками. Пиковый на входе в нашу сторону зыркает на похуй и дальше давай в мобильник втыкать.

– Пойдём, – Эмма меня за руку хватает и за собой тащит, видать, чухнув, что сейчас буровить начну. – Сами их найдём.

А хуле искать-то? Вон этот губошлёп из кабинки руками машет.

Подходим к ним. Этот сразу Эмму по-свойски лапает и лыбится, сука, как будто год её не видел. Реально он как пе-

дик: штаны в облипку, кроссовки разноцветные и гелевый ирокез на башке.

Второй поприличнее выглядит, но тоже лезет с обнимашками. Это что, сука, за детдом у них такой был блатной, раз они тут все как итальянцы в десна бахаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.